

«СЧАСТЬЕ НИ НА ЧТО НЕ ПОХОЖЕ...»

«... РАССКАЖИТЕ о нашей любимой актрисе Наталье Гундаревой. Где она снимается, как живет...». Из письма читателей Э. и И. СОКОЛОВЫХ.

НАТАЛЬЮ ГЕОРГИЕВНУ ГУНДАРЕВУ мы встретили в коридоре «Ленфильма». С этой студией актрису связывают многие годы творчества в кино, многие роли, запомнившиеся зрителям на экране. Здесь впервые предстала она перед кинокамерой на съемках картины режиссера Виталия Мельникова «Здравствуй и прощай». Было это в 1973 году. И с тех пор снято еще десять лентфильмовских с ее участием: «Сладкая женщина», «След на земле», «Жизнь Клима Самгина», «О-о» и другие. А сейчас закончена работа в картине режиссера Л. Менакера «Собачий пир» по сценарию В. Мережко.

— НА ЭТОТ раз моя героиня — уборщица на вокзале, пьяница. Она принадлежит, как мы привыкли говорить, к низшим слоям общества. Такую роль мне доводится играть впервые. Мне хотелось понять, почему так сложилась судьба этой женщины. Может быть, это вызов — она не хотела жить в обществе, которое ее не устраивало, участвовать в «собачьей сваре». А может быть, просто не могла сопротивляться окружающему злу и докатилась до самого дна... Не хочу говорить подробнее — пусть зритель сам судит, увидев эту женщину на экране. Пусть сам размышляет над ее судьбой. Мне кажется, очень важно, чтобы произведения искусства и в театре и в кино будили мысль, а не просто развлекали.

Сейчас, например, много говорят о кризисе театра. Но кризис этот каждый видит по-своему. Мне кажется, что просто театр из Храма превращается в балаган, из носителя духовности и нравственности — в царство натурализма, цинизма и примитивизма.

В Москве, например, сейчас есть даже специальный Театр эротики. Я читала интервью с одной из актрис. У нее спрашивают: скажи нам, Леночка, почему ты решила пойти в артистки? Она отвечает: знаете, я вот все время так стеснялась себя, а теперь я раскрепостилась! Ну, она могла бы ходить на аэробiku и там раскрепощаться, либо сходить бы к психиатру! При чем же здесь искусство, театр? Ведь отсутствует главное его качество — художественность. Все традиции, которые складывались десятилетиями, попираются и осмеиваются новыми дельцами от искусства. Этот вирус проникает даже и в традиционные реалистические и классические постановки, которых становится все меньше — их просто уже стыдятся ставить.

Большинство театральных представлений сейчас построено просто-напросто на том, о чем, принято было многие годы молчать. Наш пуританский образ жизни был настолько очевидным, нам так долго не позволялось говорить о совершенно естественных вещах, что теперь возможность сказать об этом приобрела какие-то гипертрофированные формы. Без эротики теперь почти не бывает спектаклей и фильмов.

Но меня пугает не это, а то, что после такого приобщения к искусству люди выходят и говорят: «Ты знаешь, так отлично отдохнули!». А ведь и в театре и в кино душа обязана трудиться.

Сейчас все хотят равняться на студии, боятся отстать от них, прослыть традиционными. А вот Шаляпин в своей книге «Душа и маска» правильно сказал, что «в период разброда и полного развала самое трудное — удерживать традиции. Я говорю не о мертвых традициях, которые мешают искусству идти вперед, а о том, что есть благоприобретенный опыт предшествующих поколений, который помогает нам идти дальше». Сейчас самое главное — не утерять то, что театр наш уже накопил. Правда, молодое поколение актеров и режиссеров, возможно, так и не считает. Они мнят себя носителями нового, а в их творчестве ничего нового, мне кажется, нет.

— Ваши героини в фильмах «Сладкая женщина», «Вас ожидает гражданка Никитична» и многих других удивительно узнаваемы. Именно такие женщины ездят рядом с нами в автобусах, стоят в очереди в магазинах, бегут утром на работу... И при всей своей замкнутости они стремятся, каждая по-своему, преодолеть суесть быта, подлиться к ней. Все жаждут счастья. Но счастье далеко не всем удается. Почему?

— Мне думается, что всем им жизнь недодала чего-то, в смысле развития. Потому-то стремятся они к маленькому счастью, а оно часто им и не дается, потому, что маленькое.

Таких женщин я играла много, разных, но в чем-то похожих друг на друга. Теперь мне интересны другие, более сложные характеры.

— За 20 лет работы в теат-

жизнь, а театр — это театр.

Я действительно человек общительный, простой. Но при всей своей контактности я не люблю впускать в свою жизнь посторонних людей. Вероятно, поэтому знакомых очень много, но друзей — мало. Только две подруги, не имеющие никакого отношения к театру.

На мои спектакли любят ходить одинокие женщины. Они ждут меня после представления, хотя и поговорить. Среди них оказалась как-то девочка из детского дома. Она стала приходить после того, как я снялась в фильме «Хозяйка детского дома». У нее сложная судьба: живы мать, братья, но она с ними не общается, потому что в раннем детстве они отдали ее в приют. Живет одна. И вот мы подружились. Она стала не то чтобы членом семьи, но как бы племянницей — такая степень отношений между нами.

А мешает ли популярность? Мешает, когда настроение плохое. А настроение плохое бывает и от усталости, и от чего-то неудавшегося... Идешь в гостиницу, в кафе чашку кофе выпить, расслабиться, а на тебя все вокруг смотрят — кусок спокойно нельзя проглотить. Иногда так необходимо побыть одной — но нет даже полчасика. Я работаю в театре, снимаюсь в кино, веду концертную деятельность.

— Значит, вы не домашний человек?

— Нет, что вы — дом я люблю, обожаю! Ко мне приходят журналисты — как, вы еще и зажете? Когда вы успеваете? Вы еще и рисуете? — А как вы отдыхаете?

— Я почти что не отдыхаю. Целиком отпуска никогда не проводила. Поезжаю на дачу. Ну это я так называю — дача. Когда-то во Владимирской области купила дом в деревне. Но там тоже не отдых, там надо лопатить, надо что-то делать... Правда, говорят, что перемена видов деятельности уже есть отдых. Когда я начинаю копать землю, я считаю, что я уже отдыхаю.

А в Дома творчества ездить потому не люблю, что нужно идти в Союз театральных деятелей или Союз кинематографистов, просить путевку, потом доставать билеты на самолет, потом добираться на троллейбусе от Симферополя до Ялты.

— Вы счастливы!

— Знаете, в каком бы состоянии я ни была, даже, если я играю совершенно болящую, — выхожу на сцену и про все забываю, совершенно про все! Этого не объяснить никому. Это ни на что не похоже. Это — счастье.

Интервью взяла
Т. МИХАЙЛОВА
Фото А. Дроздова